

The image is a stylized illustration. In the center, a woman with long, wavy red hair wears a white maid's cap and a black dress with a white collar and cuffs. She holds a large glass mug of beer with both hands. Behind her stand two men with short brown hair and light stubble, wearing grey t-shirts. The background is a dark teal color with intricate, light-colored swirling patterns. The text is in a bold, serif font, colored in a light cream or gold. The overall style is reminiscent of a vintage poster or a book cover.

МАГИССА

БУФЕТЧИЦА
для
КОМБАЙНЁРОВ

Магисса - Буфетчица для Комбайнёров

<https://litres.ru/74535512>

Аннотация

ОЧЕНЬ ОТКРОВЕННО!! Первые 3 дня мини бесплатно!
Подпишись, чтобы не пропустить новинки! ♥#

«Замолчи, Клим!» – Тихон вскочил, его кулаки сжались. – «Не смей так говорить о Зоряне!»

«А что, неправда, что ли?» – Клим тоже вскочил, они стояли друг против друга, два разъяренных быка, готовые вцепиться друг другу в глотки. – «Или ты думаешь, она тебе одному свои прелести показывала? Да она...»

«Хватит!!!» – закричала я, не в силах больше выносить эту грязь, эту ревность, это унижение. – «Замолчите оба! Вы... вы оба мне противны! Слышите? Противны!»

Я бросилась к дверце кабины, пытаюсь ее открыть, но Клим схватил меня за руку, его пальцы впились в мою кожу, как тиски.

«Никуда ты не пойдешь, рыжая!» – прорычал он, его глаза горели безумным огнем. – «Пока мы не решим, чья ты будешь!»
цикл "Деревенские страсти"

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Глава 1

Пыльный, выдавший виды «Икарус», прозванный в народе «скотовозом» за свою тряску и специфический аромат, высадил меня на автобусной остановке, больше похожей на заброшенный сарайчик с выбитыми окнами.

Вокруг, насколько хватало глаз, простиралась бескрайняя, выжженная августовским солнцем степь, подернутая легкой сиреневой дымкой марева. Колхоз «Красный Рассвет». Звучало гордо, почти плакатно, но отсюда, с этой продаваемой всеми ветрами остановки, «рассвет» казался скорее выгоревшим дотла закатом.

Я, Зоряна Куделина, двадцатидвухлетняя обладательница огненно-рыжей копны волос, зеленых, как молодая трава, глаз и диплома повара-кондитера, оказалась здесь не по распределению и не в поисках лучшей доли.

Скорее, это был побег. От большого города, от липких объятий бывшего «покровителя» – толстого, лысеющего начальника треста общественного питания, который решил, что моя молодость и красота прилагаются к должности заведующей столовой. Когда его притязания стали слишком уж настойчивыми, а обещания «золотых гор» сменились откровенными угрозами, я просто собрала свой старенький фанерный чемоданчик, купила билет на первый попавшийся автобус, идущий в глушь, и вот – я здесь.

Тетя Груня, мамина двоюродная сестра, единственная моя родня, жила где-то в этих краях и когда-то звала в гости. Правда, было это лет десять назад, и адрес я помнила смутно.

«Милая, тебе куды?» – проскрипел рядом старичок в выцветшей гимнастерке, сгружая с крыши автобуса какой-то мешок.

«В «Красный Рассвет», дедушка. К Куделиной, Груне Игнатьевне. Не знаете такую?»

Старичок почесал седую щетину. «Грунька? Как не знать! Бой-баба, хоть и хворает нонче. Тебе, видать, в самый центр, к правлению. Токмо отсель далече будет, верст пять, не меньше. А попуток нонче не густо – вся техника в поле, страда ж, милая, страда!»

Страда... Слово это, такое емкое, такое весомое, я слышала и раньше, но только здесь, посреди этой раскаленной степи, под этим безжалостным солнцем, я начала понимать его истинный смысл.

Делать было нечего. Взвалив на плечо свой чемоданчик, который сразу показался неподъемным, я побрела по пыльной дороге в указанном направлении. Солнце пекло нещадно, ноги в городских туфельках вязли в пыли, а вокруг – ни души, только стрекот кузнечиков да заунывный вой ветра. Через час такой «прогулки» я была готова взвыть от отчаяния. Язык прилип к небу, платье промокло от пота, а рыжие волосы, обычно моя гордость, превратились в спутан-

ную, липкую паклю.

И тут, словно мираж, из-за поворота вынырнул... комбайн. Огромный, красный, похожий на какое-то доисторическое чудовище, он медленно, но уверенно двигался мне навстречу, поднимая клубы пыли. За штурвалом сидел парень, молодой, широкоплечий, в выгоревшей на солнце кепке. Увидев меня, он притормозил, и его лицо, загорелое до черноты, расплылось в удивленной улыбке.

«Эй, красавица! Потерялась, что ли?» – крикнул он, перекрывая рокот мотора. Его голос был сильным, с веселой хрипотцой.

Я молча кивнула, не в силах вымолвить ни слова.

«А ну, прыгай сюда!» – он махнул рукой в сторону кабины. – «Подвезу, куда скажешь. Негоже такой рыжей бестии по степи пешком мыкаться!»

Я с благодарностью посмотрела на него. Это был Клим Задорин, как я узнала позже, первый парень на деревне, передовик и гроза местных девчат. Он спрыгнул с комбайна легко, как кот, подхватил мой чемоданчик, словно тот был пушинкой, и помог мне забраться в тесную, пахнущую соляжкой и горячим металлом кабину.

«Куда путь держишь, огненная?» – спросил он, снова усаживаясь за штурвал. Его синие, как васильки, глаза бесцеремонно разглядывали меня с ног до головы, и я почувствовала, как краска заливает мое лицо.

«К тете, Груне Куделиной. Она в «Красном Рассвете» жи-

вет».

«Грунька – тетка твоя? Ну, дела!» – присвистнул он. – «Знатная баба была, жаль, сдала в последнее время. А ты, значит, Зоряна? Слыхал, племянница у нее городская есть, рыжая, как ты. Значит, доехала все-таки».

«Доехала», – выдохнула я, чувствуя, как понемногу отпускает напряжение. – «Спасибо вам, Клим...»

«Просто Клим», – подмигнул он. – «Для такой красавицы – всегда пожалуйста. А ты, Зоря, надолго к нам? Или так, погостить?»

«Пока не знаю», – честно ответила я, глядя на его сильные, загорелые руки, уверенно лежащие на штурвале. – «Может, и насовсем останусь, если работа найдется».

«Работа?» – Клим снова расхохотался. – «Да для такой девки, как ты, здесь любая работа найдется! Хочешь – в поле, хочешь – на ферму. А хочешь – ко мне в комбайн, помощницей! Будем с тобой вдвоем рекорды ставить, а ночами...» Он многозначительно замолчал, снова окинув меня своим наглым, оценивающим взглядом.

Я почувствовала, как снова краснею. «Я вообще-то повар-кондитер», – сказала я как можно строже.

«Повар?» – Клим присвистнул. – «Так это ж клад! Нам в полевой стан как раз буфетчица нужна! Старая Потаповна на пенсию ушла, а заменить некем. Мужики на сухомятке сидят, ворчат. А ты, Зоря, кабы согласилась... Да они б тебя на руках носили! И я первый!» Он снова подмигнул, и в

его глазах блеснули такие озорные искорки, что я невольно улыбнулась.

Так, благодаря случайной встрече с Климом, я и оказалась буфетчицей на полевом стане колхоза «Красный Рассвет». Тетя Груня, действительно, сильно сдала, но моему приезду обрадовалась. Выделила мне маленькую, но чистую комнатку в своем домике и благословила на новую работу.

Полевой стан представлял собой несколько дощатых вагончиков, сколоченных на скорую руку, да навес со столами, где комбайнёры обедали и ужинали. Мой «буфет» был самым большим из вагончиков, с небольшой кухней и прилавком.

Первые дни я только и делала, что отмывала его от многолетней грязи и копоти, расставляла посуду, принимала продукты. Работа была тяжелой, но я чувствовала какое-то странное удовлетворение. Здесь, посреди этой бескрайней степи, под этим огромным небом, я дышала полной грудью.

Комбайнёры – молодые, сильные, загорелые мужики – быстро оценили мои кулинарные таланты. После пресной и однообразной еды старой Потаповны мои борщи, котлеты, пирожки и компоты казались им царским угощением. Они приходили в буфет шумной, голодной ватагой, и их грубоватые шутки, их громкий смех, их нескрываемое восхищение моей стряпней согревали мне душу.

Клим, конечно, был первым среди них. Он появлялся в буфете, как ураган, считая все на своем пути. Отпускал со-

ленные шуточки, пытался ущипнуть меня за бок, когда я налиwała ему щи, рассказывал похабные анекдоты, от которых краснели даже самые бывалые механизаторы.

Но в его наглости не было злобы, скорее – какая-то безудержная, первобытная жизнерадостность. И я, хоть и отбрасывала его острым словом, в глубине души чувствовала к нему какую-то необъяснимую симпатию. Его мужская сила, его напор, его уверенность в себе – все это волновало, будоражило кровь.

«Зоренька, рыбонька моя золотая!» – гремел он, усаживаясь за стол. – «Чем сегодня своего Климушку побалуешь? А то я так наработался, так умаялся, что сил нет никаких! Только твои пирожки с капустой меня и спасут! Да поцелуйчик твой жаркий, как полуденное солнце!»

«Обойдешься, Задорин!» – смеялась я, ставя перед ним тарелку с дымящимися пирожками. – «Сначала работа, потом поцелуйчики. Да и то, не для тебя моя ягодка созрела».

«А для кого ж, если не для меня, Зоренька?» – он хитро прищуривал свои синие глаза. – «Аль есть тут кто посмелее да поудалее Клим Задорина? Покажи мне его, я с ним по-мужски поговорю!»

И он обводил взглядом остальных комбайнёров, которые только посмеивались в усы. Все знали, что Клим – первый парень на деревне, и тягаться с ним решались немногие.

Но был один, кто не смеялся и не участвовал в общей су-

ете. Тихон Ветров. Он всегда приходил последним, садился в самый дальний угол, ел молча, не отрывая взгляда от тарелки.

Высокий, крепко сбитый, с темными, почти черными волосами, падающими на высокий, задумчивый лоб, и серьезными, глубокими карими глазами. От него веяло какой-то скрытой силой, какой-то затаенной печалью.

Он никогда не пытался со мной заигрывать, не отпускал шуточек, только иногда, когда я подходила к его столу, чтобы убрать посуду, он поднимал на меня свой пристальный, пронзительный взгляд, и мне казалось, что он видит меня насквозь, читает все мои мысли, все мои тайные желания. От этого взгляда у меня по спине пробегали мурашки, и я торопливо отворачивалась, чувствуя, как кровь приливает к щекам.

Он был загадкой, этот Тихон. Клим, при всей своей наглости, был понятен, как раскрытая книга. А Тихон... он был как тихий омут, в котором, как известно, водятся черти. И почему-то этот омут притягивал меня с какой-то необъяснимой силой.

Однажды вечером, когда все комбайнёры уже разошлись по своим палаткам или уехали в деревню, я задержалась в буфете, чтобы навести порядок. Вдруг дверь тихонько скрипнула, и на пороге появился Тихон. В руках у него был маленький, чуть помятый букетик полевых ромашек.

«Это... тебе, Зоряна», – сказал он глухо, протягивая мне

цветы. Его щеки были чуть тронуты румянцем, а взгляд... такой растерянный, такой незащищенный. – «Просто так. За вкусные обеды».

Я взяла цветы, мои пальцы случайно коснулись его горячей, загрубевшей руки. И снова – этот электрический разряд, от которого замерло сердце.

«Спасибо, Тихон», – прошептала я, не зная, что еще сказать. – «Очень красивые».

Он молча кивнул и уже собрался уходить, но я остановила его: «Постой! Может, чаю выпьешь? У меня тут свежий, с чабрецом».

Он колебался секунду, потом снова кивнул. Мы сидели за маленьким столиком в моем буфете, пили горячий, ароматный чай и молчали. Но это молчание не было гнетущим. Наоборот, в нем было что-то уютное, доверительное. Я смотрела на его сильные руки, на его волевой подбородок, на его густые ресницы, бросавшие тень на загорелые щеки, и чувствовала, как во мне просыпается что-то новое, незнакомое. Не такое бурное, как от Клима, но более глубокое, более трепетное.

«Ты... не жалеешь, что приехала сюда, Зоряна?» – спросил он вдруг, его голос был тихим, почти неразличимым на фоне стрекота кузнечиков за окном.

«Нет», – честно ответила я. – «Не жалею. Здесь... здесь как-то по-настоящему все. Люди, работа, жизнь...»

«Да, жизнь здесь настоящая», – усмехнулся он, и в его

усмешке была какая-то горечь. — «Суровая только очень. И не всегда справедливая».

Он замолчал, и я не стала его расспрашивать. Я чувствовала, что за его молчанием скрывается какая-то боль, какая-то тайна. И мне почему-то захотелось его утешить, прижать к себе, сказать, что все будет хорошо. Но я только долила ему чаю.

Когда он уходил, то снова посмотрел на меня своим долгим, пристальным взглядом. И в этом взгляде я увидела не только печаль, но и... что-то еще. Что-то похожее на надежду. Или на желание.

Я осталась одна, вдыхая тонкий аромат полевых ромашек. Сердце мое билось так сильно, словно хотело выпрыгнуть из груди. Клим. Тихон. Огонь и вода. День и ночь. Два таких разных мужчины, и оба... оба так сильно волновали меня.

Я подошла к зеркалу. Рыжие волосы огненным нимбом окружали мое лицо. Зеленые глаза блестели лихорадочным огнем. Губы были припухшими, словно от поцелуев. Я провела рукой по своей груди, чувствуя, как под тонкой тканью платья напряглись соски. Жар охватил меня.

Образы были четкие, реальные. Вот Клим, с его наглым, всепоглощающим взглядом, его сильными руками, которые сжимают мою талию, его горячими губами, которые впиваются в мои, требуя ответа. Я чувствовала его запах — запах пота, солянки, степного ветра. Я слышала его хриплый смех, его грубоватые, но такие возбуждающие комплименты.

А вот Тихон. Его молчаливое, но такое красноречивое присутствие. Его глубокие, печальные глаза, в которых тонет моя душа. Его сильные, нежные руки, которые так бережно коснулись моих пальцев. Его тихий голос, который проникает в самое сердце. Я представляла, как он целует меня – не так, как Клим, не грубо, не напористо, а медленно, трепетно, словно боясь спугнуть. Как его руки исследуют мое тело – нежно, благоговейно, пробуждая во мне самые потаенные желания.

Я легла на свою жесткую койку, но теперь мои фантазии были более смелыми, более откровенными. Я представляла себя между ними. Клим берет меня силой, его страсть обжигает, его напор сносит все преграды. А Тихон... Тихон смотрит на это своими печальными глазами, и в его взгляде – смесь боли, ревности и... желания. И вот он подходит, отталкивает Клима, и его руки, такие нежные, такие сильные, начинают ласкать меня, утешать, дарить наслаждение другого рода – глубокое, чувственное, всепроникающее.

Мои пальцы скользнули между ног. Там все было мокро, горячо. Я стонала, извивалась, мое тело жаждало прикосновений, жаждало этих двух мужчин. Я представляла, как они оба ласкают меня, их руки, их губы, их... О, Боже, о чем я думаю! Но остановить этот поток греховных фантазий было уже невозможно.

Оргазм накрыл меня с всепоглощающей силой. Я закричала, зарывшись лицом в подушку, мое тело билось в сладких

конвульсиях, изливая из себя всю накопившуюся страсть, все невысказанные желания.

Когда все закончилось, я долго лежала без сил, тяжело дыша, чувствуя, как по щекам катятся слезы. Слезы облегчения? Стыда? Или просто от переизбытка чувств? Я не знала.

Знала только одно – моя жизнь в «Красном Рассвете» уже никогда не будет прежней. Эти двое комбайнёров, такие разные, такие непохожие, пробудили во мне что-то такое, о чем я и не подозревала.

Глава 2

Утро после ночи, когда мои фантазии сплели воедино образы Клима и Тихона, началось с оглушительного рева мотора под самым окном моей каморки.

Я подскочила на кровати, сердце бешено колотилось. Выглянув в щелку занавески, я увидела его. Клим Задорин, собственной персоной, сидел на своем дребезжащем мотоцикле «Иж-Юпитер», победоносно улыбаясь и что-то крича. Кажется, он звал меня.

«Зоря-Зоряница, рыжая зарница! Выходи, красавица, солнце встречать, да Клима привечать!» – гремел он, перекрывая тарыхтение мотоцикла.

Я быстро натянула сарафан, кое-как пригладила свои огненные космы и выскочила на крыльцо. Щеки горели от смущения и остатков ночных грез.

«Чего орешь ни свет ни заря, Задорин?» – попыталась я придать голосу строгости, но получилось не очень убедительно.

«А как же не орать, когда такая девка на пороге стоит!» – он подмигнул, его синие глаза блестели озорством. – «Я тут тебе подарок привез, от всего сердца, так сказать. Держи!»

Он протянул мне огромный, чуть помятый букет полевых васильков – таких же синих, как его глаза. Я растерялась. Цветы... Сначала Тихон, теперь Клим.

«Спасибо, Клим», – прошептала я, принимая букет. – «Очень красивые».

«То ли еще будет, Зоренька!» – пообещал он. – «Это так, для затравки. А вечером, как работа закончится, жду тебя у старого дуба, за околицей. Сюрприз будет. Не опаздывай!» И, не дожидаясь ответа, он взревел мотором и умчался, оставив после себя облако пыли и легкий запах бензина.

Весь день я была как на иголках. Комбайнёры, приходившие на обед, подтрунивали надо мной, видя букет васильков в банке из-под томатной пасты на моем прилавке. Клим же весь день ходил гоголем, бросая на меня многозначительные взгляды и подмигивая. Я старалась не обращать внимания, но сердце предательски екало в груди. Что за сюрприз он мне приготовил? И стоит ли идти?

Вечером, когда последние комбайны вернулись с полей, и полевой стан погрузился в тишину, я все-таки решилась. Переделалась в свое лучшее платье – простое, ситцевое, в мелкий цветочек, но оно выгодно подчеркивало мою фигуру. Распустила волосы, которые огненным водопадом упали на плечи. Немного волнуясь, я пошла к старому дубу за околицей.

Клим уже ждал меня. Он стоял, прислонившись к своему мотоциклу, и в свете заходящего солнца его фигура казалась особенно мужественной и привлекательной. На нем была чистая, выглаженная рубаша, волосы аккуратно зачесаны. Увидев меня, он улыбнулся – широко, открыто, и от этой

улыбки у меня снова затрепетало сердце.

«А я уж думал, не придешь, Зоренька», – сказал он, его голос был непривычно мягким. – «Боялся, что напугал тебя своей утренней выходкой».

«Еще чего!» – фыркнула я, стараясь скрыть свое волнение. – «Не на ту напал, Задорин. Меня так просто не напугаешь. А вот любопытство... любопытство меня заело. Что за сюрприз ты мне обещал?»

«А сюрприз вот он!» – Клим театральным жестом указал на свой мотоцикл. – «Прокачу тебя с ветерком по ночной степи! Покажу такие места, каких ты еще не видела. Согласна, рыжая?»

Прокатиться на мотоцикле... Ночью... По степи... Это было так неожиданно, так дерзко, так... по-климовски. Я колебалась всего мгновение.

«Согласна!» – выдохнула я, и в моих глазах, наверное, тоже блеснули озорные искорки.

Он помог мне сесть сзади, его руки, сильные и горячие, на мгновение задержались на моей талии, посылая по телу волну мурашек. Я обхватила его за пояс, стараясь держаться как можно крепче. Мотоцикл взревел и рванул с места, унося нас в темнеющую степь.

Это была сумасшедшая, пьянящая поездка. Ветер бил в лицо, трепал волосы, вышибал из глаз слезы. Мы неслись по пыльным проселочным дорогам, мимо спящих полей, под огромным, бархатным небом, усыпанным мириадами звезд.

Я прижималась к сильной спине Клим, чувствуя каждый его мускул, его тепло, его запах – смесь пота, бензина и чего-то еще, неуловимо притягательного, мужского. И мне было так хорошо, так свободно, так... счастливо, как не было уже очень давно.

Он привез меня на высокий берег реки. Здесь, вдали от деревни, было тихо и пустынно. Только стрекот кузнечиков, плеск воды да далекий лай собак нарушали ночную тишину. Луна, огромная, желтая, как головка сыра, освещала все вокруг призрачным, серебристым светом.

«Ну как, Зоренька, нравится тебе мой сюрприз?» – спросил Клим, его голос был хриплым от волнения.

«Очень», – прошептала я, глядя на мерцающую под луной реку. – «Здесь так... красиво».

Он подошел ко мне, встал совсем близко. Я чувствовала его горячее дыхание на своей щеке.

«Ты тоже очень красивая, Зоря», – сказал он тихо, его рука осторожно коснулась моих волос. – «Как огонь. Такая же яркая, такая же... опасная».

Я подняла на него глаза. В его синих, как ночное небо, глазах плескалась такая нежность, такая страсть, что у меня перехватило дыхание. Он наклонился и поцеловал меня.

Этот поцелуй был не таким, как я ожидала. Не грубым, не наглым. А долгим, глубоким, полным сдерживаемой силы и какой-то отчаянной нежности. Его губы были горячими, требовательными, но и удивительно мягкими.

Я ответила ему – сначала робко, потом все смелее, мои руки обвились вокруг его шеи, пальцы зарылись в его густые, непослушные волосы. Я чувствовала, как его тело напряглось, как что-то, твердое и горячее, уперлось мне в живот сквозь тонкую ткань платья.

Он оторвался от моих губ, тяжело дыша. «Зоря... я так давно этого хотел... С того самого дня, как увидел тебя... Ты свела меня с ума, рыжая ведьма...»

Он снова поцеловал меня, и на этот раз в его поцелуе уже не было сдержанности. Была только чистая, необузданная страсть. Он прижал меня к себе так сильно, что я почувствовала каждый изгиб его мощного, мускулистого тела. Его руки блуждали по моей спине, по бедрам, сжимая, лаская, разжигая во мне ответный огонь.

Я знала, что это неправильно, что я не должна этого делать. Но я не могла остановиться. Не хотела. Мое тело, изголодавшееся по мужской ласке, по сильным объятиям, по горячим поцелуям, отвечало ему с какой-то первобытной, животной страстью.

Он подхватил меня на руки и понес к старому, раскидистому стогу сена, который одиноко темнел неподалеку. Осторожно опустил меня на мягкую, пахучую траву. Лунный свет пробивался сквозь редкие облака, освещая наши лица, наши тела.

«Ты не боишься, Зоренька?» – прошептал он, его глаза горели в полумраке.

«С тобой – нет», – выдохнула я, и это была чистая правда. Рядом с ним, с этим сильным, уверенным в себе мужчиной, я не боялась ничего.

Он начал медленно, пуговицу за пуговицей, расстегивать мое платье. Его пальцы дрожали, но движения были уверенными, настойчивыми. Ткань соскользнула с моих плеч, обнажая мою грудь в тоненьком ситцевом бюстгальтере. Он наклонился и поцеловал ложбинку между грудей, потом – сами холмики, его губы были горячими, влажными. Я застонала, выгибаясь ему навстречу.

Он расстегнул застежку бюстгальтера, и моя грудь, высокая, упругая, с темно-розовыми, напрягшимися сосками, вырвалась на свободу. Клим восхищенно выдохнул и припал к ней губами. Он целовал, лизал, нежно посасывал мои соски, и от этих ласк по моему телу пробегали волны сладкого, почти болезненного удовольствия. Мои руки гладили его волосы, его широкие плечи, я чувствовала, как под моей ладонью напрягаются его мускулы.

Он стянул с меня платье совсем, потом – трусики. Я осталась лежать перед ним нагой, освещенная призрачным лунным светом, и в его взгляде я видела не просто похоть, а какое-то благоговейное восхищение. Это было так неожиданно, так... приятно.

«Ты прекрасна, Зоря», – прошептал он, его голос дрожал от волнения. – «Как богиня...»

Он тоже быстро скинул с себя одежду, и я увидела его –

сильного, мускулистого, с широкой грудью, покрытой светлыми волосками, и мощным, напряженным членом, который гордо вздымался вверх, словно готовый к бою. Он лег рядом со мной, прижался всем телом, кожа к коже. Я почувствовала его жар, его силу, его нетерпение.

Его руки начали исследовать мое тело – нежно, но настойчиво. Он целовал мои плечи, живот, внутреннюю сторону бедер, спускаясь все ниже и ниже. Когда его губы достигли моего лона, я вскрикнула от неожиданности и острого, как удар тока, наслаждения.

Никто и никогда не ласкал меня так. Его язык был умелым, настойчивым, он вытворял что-то невообразимое с моим клитором, с моими нежными складочками, доводя меня до исступления. Я стонала, извивалась, впиваясь пальцами в его волосы, не в силах сдержать рвущиеся наружу звуки. Первый оргазм обрушился на меня внезапно, заставив меня закричать и забиться в сладких конвульсиях.

Но Клим не остановился. Он продолжал ласкать меня, пока я немного не успокоилась, а потом, глядя мне в глаза, полные слез и наслаждения, прошептал: «А теперь, моя рыжая ведьма, я покажу тебе, что такое настоящая страсть».

Он перевернул меня на живот, его сильные руки легли мне на ягодицы, раздвигая их. Я почувствовала, как его горячий, скользкий член касается моего ануса. Я испугалась, напряглась. Но он сдвинул его ниже к влагалищу.

«Расслабься, Зоренька», – прошептал он мне на ухо, его

голос был хриплым, полным желания. – «Доверься мне. Тебе понравится».

И он начал медленно, очень медленно входить в меня. Сначала было больно, я вскрикнула, но он не остановился. Он продолжал двигаться – плавно, настойчиво, его член растягивал меня, наполнял, проникая все глубже и глубже. Боль постепенно начала отступать, сменяясь каким-то новым, острым, почти запретным ощущением. Я никогда не испытывала ничего подобного. Это было так... откровенно, так по-животному, так возбуждающе.

Клим двигался во мне, его толчки были сильными, ритмичными. Он прижимался ко мне всем телом, его руки сжимали мою талию, потом скользнули вперед, находя мою грудь, лаская мои соски.

Я лежала, уткнувшись лицом в пахучее сено, мои стоны тонули в его мягкой прохладе. Я чувствовала, как его член растягивает меня, как каждый его толчок отзывается глубоко внутри, пробуждая какие-то темные, первобытные инстинкты. Его другая рука скользнула между моих ног, находя мой клитор, и он начал ласкать его – умело, настойчиво, в такт своим движениям.

Это было безумие. Я была полностью в его власти, мое тело извивалось, содрогалось, я кричала, не стесняясь своих стонов, которые эхом разносились по ночной степи. Запахи сена, его потного, возбужденного тела, мой собственный мускусный аромат – все смешалось в какой-то первобытный,

пьянящий коктейль.

«Да, Зоренька, да, моя рыжая!» – рычал он мне на ухо, его движения становились все быстрее, все яростнее. – «Кричи, девочка, кричи! Пусть вся степь слышит, как нам хорошо!»

Я чувствовала, как приближается новая волна оргазма – еще более мощная, еще более всепоглощающая, чем первая. Мое тело выгибалось дугой, я цеплялась пальцами за сено, за его сильные плечи, я была на грани потери сознания от этого невыносимого, почти болезненного наслаждения.

И тут он сделал что-то совсем неожиданное. Не прекращая своих движений, он наклонился и его губы нашли мой анус. Его язык – горячий, влажный, настойчивый – начал вылизывать меня там, где я никогда не осмеливалась даже представить себе прикосновения. Это было так... шокирующе, так непристойно, так... невероятно возбуждающе. Я закричала, забилась в его руках, чувствуя, как мое тело разрывается на части от этого тройного, запретного наслаждения.

Оргазм обрушился на меня, как удар молнии. Я потеряла связь с реальностью, мое сознание утонуло в вихре ощущений, в фейерверке искр, которые взрывались перед моими закрытыми глазами. Я слышала свой собственный крик, дикий, первобытный, и его ответный рык, когда он тоже достиг пика, изливаясь в меня горячей, густой лавой.

Мы лежали так долго, не в силах пошевелиться, наши тела были сплетены, наши сердца стучали в унисон. Сено колелось, ночной воздух был прохладным, но нам было жарко.

Жарко от пережитой страсти, от этого безумного, почти животного соития.

Клим первым нарушил молчание. Он перевернул меня на спину, посмотрел мне в глаза. Его синие глаза горели каким-то новым, незнакомым огнем – смесью нежности, обладания и... чего-то еще.

«Ну что, Зоренька», – сказал он хрипло, его губы тронула самодовольная усмешка. – «Теперь ты моя. Вся, без остатка».

Я ничего не ответила. Только смотрела на него, на этого сильного, грубоватого, но такого притягательного мужчину, который только что открыл мне такие глубины наслаждения, о которых я и не подозревала.

Было ли это любовью? Нет, наверное. Скорее, какой-то дикой, первобытной страстью, которая захватила нас обоих. Но в этот момент мне было все равно. Мне было хорошо. Так хорошо, как не было уже очень, очень давно.

Он помог мне одеться, сам быстро натянул свои штаны и рубашу. Мы снова сели на мотоцикл и поехали обратно в деревню. Но теперь я прижималась к нему не от страха, а от какой-то новой, пьянящей близости. Я чувствовала себя его женщиной. Его добычей. И, как это ни странно, мне это нравилось.

Когда мы подъехали к моему домику, он заглушил мотор. «Завтра увидимся, рыжая», – сказал он, его рука легко коснулась моей щеки. – «И помни – ты теперь моя».

Он уехал, а я еще долго стояла на крыльце, глядя ему вслед. Ночь была тихой, звездной. А в моей душе бушевала буря. Я не знала, что принесет мне завтрашний день. Огонь, который зажег во мне Клим Задорин, разгорался все сильнее. И я была готова сгореть в нем дотла.

Глава 3

Густой, тягучий запах свежеиспеченного хлеба, который я только что вынула из печи в своем буфете,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.